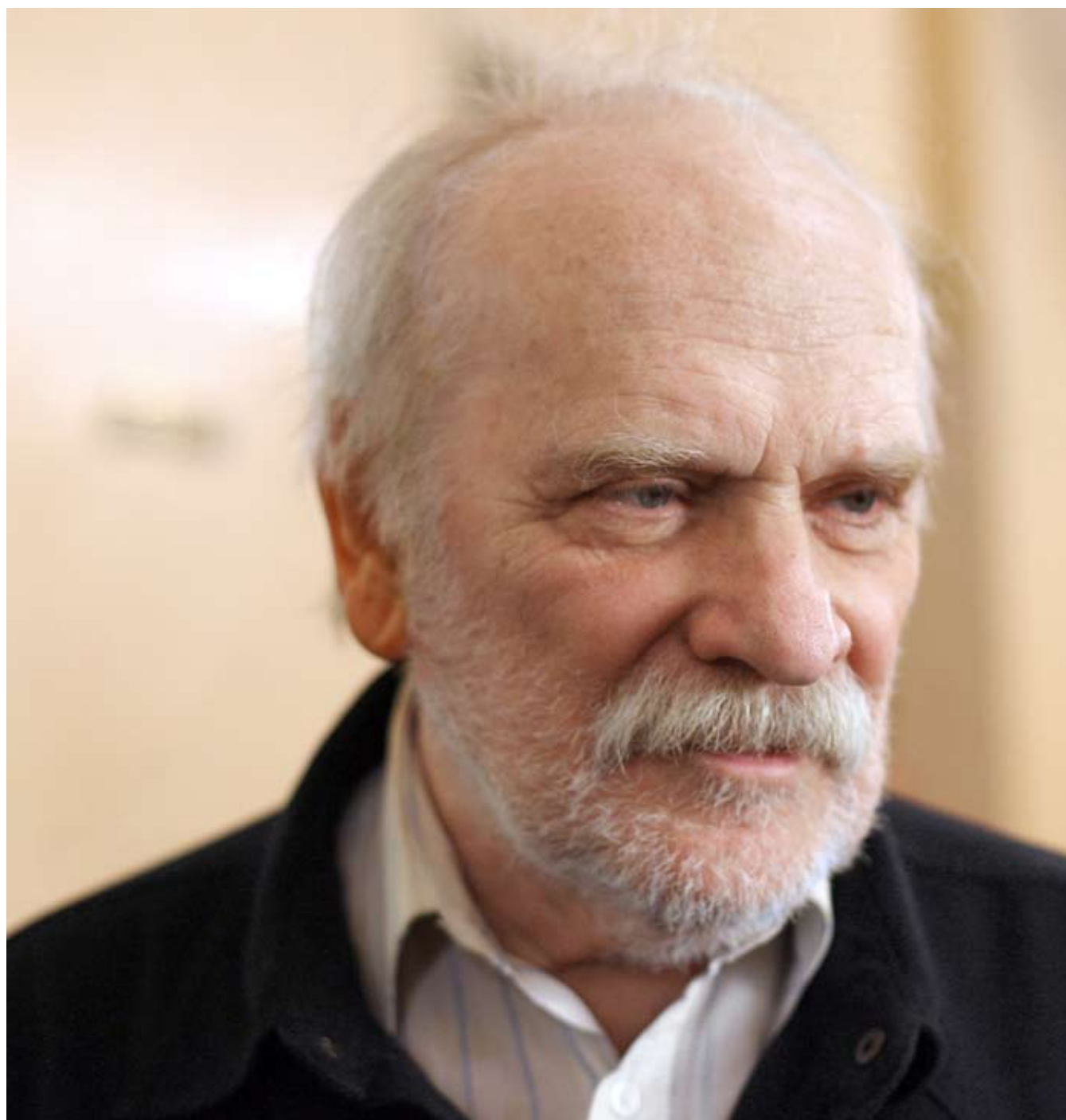

Петр Фоменко

Один из грандов русской режиссуры **ПЕТР ФОМЕНКО** (привозит свой последний спектакль «БЕСПРИДАННИЦА», номинированный на «Золотую маску»)

В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА его спектакли закрывали, обвиняя в формализме и непрофессионализме. Теперь Фоменко считается хранителем традиций. Сам он шутит, что всю жизнь был молю и вдруг стал нафталином. Насчет традиций, впрочем, есть разночтения. Одни утверждают, что Петр Наумович едва ли не единственный продолжает сценический реализм Станиславского (хотя в пятидесятые его выгнали из Школы-студии МХАТ, заподозрив чуждый элемент); другие наоборот, возводят Фоменко к Вахтангову и «праздничной театральности», то есть к противоположному лагерю. Третьи, главным образом молодые радикалы, пеняют Фоменко на архаизм и аморфность театральной формы, на оторванность от актуального-современного. Когда же отечественному кинематогра-

фу срочно нужно лицо не только современное и актуальное, но и симпатичное, оно почему-то отыскивается в основном среди «Фоменок», учеников и артистов мастера, который больше всего любит не просто делать театр, а играть в него.

Весь этот теоретический сумбур говорит о режиссере больше, чем самое изящное определение в рамочке. Он слишком антисистемный субъект, чтобы встраиваться в какие-то большие механизмы, социальные или эстетические. Он не мог работать в Советском Союзе. Нет, ну то есть работал и сделал много хорошего; чего стоит один «Этот милый старый дом», спектакль-легенда ленинградского Театра комедии. Или, скажем, фильмы с его любимыми актерами Михаилом Даниловым и Ольгой Антоновой. Но режиссер, кото-

рый в конце шестидесятых на сцене Театра Ленсовета открыто завершал «Мистерию-буфф» словами Нагорной проповеди, был слишком наивен — не игрок, не подкованный тактик. Его не боялись, шпыняли. В семидесятые Фоменко каким-то чудом возглавил Театр комедии и тут же был втянут в нелепую ссору, трупна разделилась на сторонников режиссера Вадима Голикова и сторонников Петра Наумовича — смысла в этом противостоянии не было, здоровья оно никому не прибавило, а вот партначальство с удовольствием наблюдало, как интеллигенты кушают друг друга. Потом Фоменко и вовсе уволили, он уехал в Москву, стал преподавать в ГИТИСе; тогда, в начале восьмидесятых, его считали талантливым неудачником и не могли предположить, что через пятнадцать лет его имя будут произносить с уважительным придыханием, — мол, самый-самый, мудрый, тонкий, гениальный.

«Мастерская Петра Фоменко», созданная вместе с гитисовскими учениками, расцвела ровно тогда, когда советское зачало и поблекли прежние эстетические маркировки, на российском театральном фронте стало не отличить пехоты от кавалерии, а вчерашние игроки истошно вопрошали, на что им ставить и как именно. Фоменко выстрелил «Волками и овцами», потом были «Таня-Таня», «Одна абсолютно счастливая деревня», «Война и мир», «Египетские ночи» и много чего еще.

Это вообще режиссер-книголюб. Слово в его постановках на первом месте. Обожают Фоменко и музыку, предпочитая ее алогизм суконной причинно-следственной логике. У него выдающееся чувство юмора, так что разные горькие истины всегда оказываются подслащенными — или подсолонными. Он интеллигентно сдержан и не организует крикливых слезных «катарсисов»: сердца разбиваются тихо, за обедом, за чашкой чая — там же, впрочем, где и склеиваются. Он немножко мистик и любит показать просвет небесной гармонии среди облаков бытовой чепухи. Старикам свойственно мягчать, но Фоменко за последние годы посулов, новейшая «Бесприданница» с молодой звездой Полиной Агуреевой в заглавной роли вышла горше и безнадежней его привычного репертуара.

Андрей Пронин